

A person wearing a red cloak and dark clothing is seen from behind, walking along a stone path that leads through a large, weathered stone archway. The archway frames a vast, mountainous valley with steep, rocky slopes and patches of snow or light-colored rock. The foreground is filled with dense, golden-yellow autumn foliage. The sky is a pale, hazy blue.

Живая петля

Евгения Усачева

Евгения Усачева

Живая петля

<https://litres.ru/74373664>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман «Живая петля» — заключительная часть цикла книг о Великом Сыне. Начав повествование с «Мёртвой петли», где главенствовала тема разрушения, боли, страданий и посмертного существования, постепенно, через весь цикл, происходит эволюция образа главного героя и всех, кто с ним связан. От смерти — к жизни, от разрушения — к созиданию.

На этот раз героев ждут новые приключения, неожиданные повороты судьбы и подвиги, которые им посчастливится совершить. Но смысл в самом пути, а то, что каждый обретёт в процессе его прохождения, — бесценный опыт, без которого невозможно развитие личности и души.

Кто-то почти прошёл путь до конца, кто-то одолел половину, а кто-то только готовится шагнуть в неизвестность. Так пожелаем же каждому удачи, ведь на этой тернистой дороге она точно пригодится!

Содержание

1	4
2	13
3	28
4	40
5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евгения Усачева

Живая петля

1

С тех пор, как я открыл глаза и осознал себя, прошло почти двадцать тысяч лет, но я ни на шаг не приблизился к пониманию жизни и ни разу не почувствовал себя в полной мере счастливым. Всё, к чему я шёл всю жизнь, казалось так близко, но стоило лишь протянуть руку, как заветная цель сразу же ускользала от меня. В далёкой древности я желал справедливости для людей, именно поэтому поднял Восстание против своего отца-Создателя, но с той лишь целью, чтобы он внял просьбам своих созданий и улучшил условия их жизни, которые казались мне просто кошмарными. В итоге меня изгнали, и я ничего не добился, напротив, только окропил своё имя позором и навсегда отрезал себя от отчего дома в Небесном Городе.

Но прошли годы. Мы с отцом помирились, и тень давней вражды окончательно потеряла власть над моим сердцем. Вместо неё теперь надо мной нависли тяготы земной жизни, которую я избрал в надежде найти счастье. Но и тут вышла осечка. Все. Наверное, знают, как обошлись со мной

люди, которых я считал родными. Как вычеркнул меня из своей жизни сын, как забыла и стёрла из памяти женщина, которую я любил, как издевался надо мной Эллакис – мой единственный за всю жизнь и, несомненно, лучший друг, ставший впоследствии Мёртвым Королём. И, как последний штрих, Кириэль – мой младший сын стал вести себя отстранённо и холодно, почти оборвав со мной все связи. Конечно, я прекрасно понимал, что этот день непременно когда-нибудь настанет – он неумолимо настанёт в жизни любого родителя – момент, когда следует отпустить ребёнка в свободное плавание, но я не подозревал, что это будет так больно для меня.

Когда Кирилл переехал в новую квартиру, первое время я держал себя в руках, но, в конце концов, мне стало совсем тоскливо и одиноко. Хотя я сам же и поспособствовал его переезду, но я не знал, что после этого всё между нами станет ТАК. Хотя, наверное, это взаимное непонимание и охлаждение с его стороны началось гораздо раньше, когда он узнал, что я вернул Мёртвого Короля, поверженного им. И что же, это – повод отказываться от меня? Я – Бог, и я делаю, что хочу в своей вселенной.

Но Кирилл... Он будто вычеркнул меня из своей жизни. Не помогло даже то, что он стал моим ангелом-хранителем. Спустя, примерно, полгода после начала исполнения своих обязанностей, глупая обида и эгоизм всё-таки взяли над ним верх, и он постепенно стал отдаляться. А поначалу казалось,

то между нами восстановилось взаимопонимание...

Он звонил всё реже, порою не отвечал на мои звонки, закрыл свои аккаунты во всех соцсетях. Таким образом, я не представлял даже, как он живёт, что делает, как на данный момент выглядит и какие у него планы. Заявиться к нему домой без приглашения, я позволить себе не мог, а пытаться дозвониться было бессмысленно. Это отчуждение являлось продолжением его мести. Только теперь она была направлена против меня. За что только? За то, что я любил его больше жизни и всё делал ради его благополучия?

Его новая квартира находилась в центре Москвы, недалеко от моей работы в IQ-квартале, и я не мог побороть искушение пару раз в неделю в обеденный перерыв пройти мимо его дома. Каждый раз при этом у меня замирало сердце. Боже, как же мне хотелось в такие моменты, чтоб он вышел на балкон или выглянул в окно! Да хотя бы слегка отодвинул штору и посмотрел на улицу, чтоб я смог увидеть его силуэт. Разлука с сыном оказалась выше моих сил.

Я знал, в какой именно квартире он жил, естественно, ведь я сам ему её покупал. Она находилась на пятом этаже, и её окна выходили на дорогу, а не во двор.

Но, ни разу я не встречал Кирилла возле его дома, хотя надеялся застать его в большом перерыве между репетициями в цирке.

Первое время я возмущался от этой несправедливости, потом жгучее чувство обиды уступило место всепоглощаю-

щей тоске.

Старший сын со мной, понятное дело, не общался. На его плечах лежало много обязанностей в Имморталис-Сити. Но даже если б не это обстоятельство, он бы всё равно не соизволил позвонить или написать первым. Эллакис меня всё так же презирал, пытался мною манипулировать и просто использовал в своих целях. Со временем, пережив столько бед из-за него, я понял это совершенно точно. После смерти ему было просто удобно со мной «дружить». Ведь дружба с Великим Сыном сыграла решающую роль при его избрании Советом Мёртвых королём умрунов. Не будь он моим другом, ему бы вообще, не предложили эту должность. Я не знал, имеет ли Совет полномочия смещать королей, но Эллакис продолжал со мной «дружить» именно для поддержки своего правления. При этом он по-прежнему настраивал Валеру против меня и создавал видимость противостояния между братьями, чтобы рассорить и разделить мою семью. А всё для чего? Для того, чтоб поодиночке нами было легче манипулировать.

Я восстановился на работе, попытался эмоционально закрыться от травмирующих меня событий. Я отгораживался от реальности кодами, и иногда так увлекался, что не замечал, как заканчивается рабочий день, и в офисе становится совсем пусто. Но сколько б я не пытался забыться в программировании, мне всё равно становилось больно и тоскливо, как только я вспоминал о моём милом Кириэле.

Кирюша не звонил, не писал, не навещал меня. В общем, стал делать вид, как и мой старший сын, что меня не существует.

Может, уже тогда та последняя натянутая во мне струна лопнула, а может, это произошло немного позже, когда мне еле-еле удалось встретиться с ним. Он пришёл не один: со старшим братом и Мёртвым Королём. Я обрадовался, потому как ожидал, что он вовсе не придёт на встречу. Лучше б это я не приходил на неё! Возможно, тогда бы удалось избежать многих трагических последствий. Но я пришёл, потому как больше всего на свете желал его увидеть. Боже, я всё это время не находил себе места. И был счастлив, когда Кирилл согласился встретиться со мной. И что же он сказал мне? Что он сказал такого, после чего произошло... то, что произошло?

Мы встретились в кафе. Уже там атмосфера была напряжённой. Я хотел поговорить с сыном наедине, но Эллакис и Валерий никуда уходить не собирались. Кирилл отвечал односложно, всем своим видом дав понять, что он делает мне одолжение, раз позволил себя увидеть. О, я помню, как однажды я дозвонился до него и, словно нищий, вымаливал эту встречу. Я говорил: «Кирюшенька, можно тебя увидеть? Прошу, хотя бы на пять минут!». И слышал в ответ его железное «нет». Потом он всё-таки согласился.

– Кирилл, что происходит? – Спросил я, когда мне надоело играть в молчанку за столом.

– Ничего. – Ответил он недоброжелательно.

Я бы не сказал, что перестал узнавать в этом холодном отстранённом парне своего сына. Просто по отношению ко мне он никогда таким не был. Теперь же я больше не видел божественного огня в его глазах, который раньше он дарил мне при каждом взгляде, окружая мою душу теплом. Теперь на его месте был молодой мужчина: холодный, жёсткий, не привыкший задумываться над тем, как его слова и поступки эмоционально влияют на тех, кому он дорог.

– Тебе что, непонятно? Сын не хочет с тобой общаться. – Встрял Мёртвый Король.

Я посмотрел на него уничижительным взглядом. Так, как никогда в жизни не смотрел, даже во время пыток. Он с торжествующим видом ответил на мой взгляд.

– Пусть Кирилл сам скажет! – Сказал я.

– А каких слов ты ещё ждёшь? – Раздражённо спросил сын. – Ты видишь, что я не отвечаю на твои звонки, не хочу с тобой видиться, не захожу в гости. Неужели нельзя из всего этого сделать вывод?

Я сидел просто в шоке за столом, ничего не понимая.

– Я просто хочу понять причину. – Сказал я, будто оправдываясь. – Всё же было хорошо.

– Хорошо? – Внезапно вспыхнул парень. – По-твоему, всё было хорошо? Ну, тогда ты просто не видишь ничего дальше своего носа!

Мне это надоело.

– Кирилл, прошу, давай выйдем и поговорим наедине.

– Нет! – Жестко сказал он.

– Ты же – мой ангел-хранитель, как бы... Что, там тебя Хранители Кодов настроили против меня, ты сразу и пере-метнулся на их сторону? А тут ещё Мёртвый Король рядом собственной персоной. У тебя, что, вообще нет своего мнения?

– Ты же его и вернул, наплевав на то, как это будет выглядеть по отношению ко мне! Вот теперь получай... такое отношение, которое заслужил!

Каждое его слово просто вонзало в моё сердце кинжал. В горле стоял ком от обиды. Мой старший сын и его дядя всё это время сидели молча, наблюдая за нашими разборками. Внутренне они ликовали.

– Я хочу, чтобы между нами всё было, как раньше. Скажи, что нужно исправить, и я исправлю. – Примирительно сказал я.

– Ага... Не нужно уже ничего. Спасибо. Хотя нет, кое-что ты всё-таки можешь сделать... Не лезь в мою жизнь. Вообще, уйди из неё.

В тот момент я ощутил острое чувство дежавю. Когда-то давно такую же фразу сказал мне мой старший сын. Но ему ладно, простительно, ведь я и так отсутствовал всё его детство и юность потому, что, простите, лежал мёртвым. Да, пусть я был виноват в том, что погиб на той чёртовой человеческой войне, и его отношение ко мне из-за этого было

оправдано. Но Кирилл... Что плохого я сделал ему, чтоб он вот так просто решил вычеркнуть меня из своей жизни? Почему снова всё повторялось по кругу? Почему я опять наступал на одни и те же грабли? Всадник Смерти объяснял это по-своему. Однажды он сказал мне, со свойственной ему бестактностью, что я слишком мягкий, у меня нет стержня, и поэтому из меня со временем начинают вить верёвки даже те, кто меня любит.

– Я тебя правильно понял? То есть, ты не хочешь, чтоб я был твоим отцом? А как же эти твои бла-бла-бла насчёт того, что ты пришёл сюда только ради меня, чтобы меня защищать, выбрал меня потому, что хотел принести радость в мою жизнь, спасти меня... Или ты отказываешься от своих слов?

– Планы изменились. – Холодно и безэмоционально ответил он.

Ну что ж, в тот момент я чувствовал себя... Никак, в общем-то, не чувствовал, будто в моём теле вмиг отмерли все нервные окончания. Я не мог определить, жарко мне или холодно, дышу я или нет, не мог ощущать хода времени, а в голове не осталось ни одной мысли. Они рассыпались на отдельные слова, а затем на буквы, которые растворились, как сахар на дне стакана. Исчезли бесследно. Это новое состояние было мне незнакомо.

Я встал из-за стола. На меня никто не смотрел, будто я был невидимкой.

– Что ж... Раз я никому не нужен, раз никто не любит меня, то и этому миру нечего существовать. Тогда и он мне не нужен. Я его создал, я же и уничтожу...

Эти слова слетели с моих уст почти против воли, будто их говорил не я, а какая-то непознанная сущность внутри меня. Настолько могущественная, что её сила даже не поддавалась описанию.

Я ушёл, и они, наверное, посмеялись, покрутили у виска в ответ на мою выходку. Но это были не просто слова, благодаря Кириллу. Кто бы мог подумать, что из-за него случится именно то, что впоследствии случилось.

Ладно, Валерий, Эллакис, Михаил и все остальные Хранители Кодов – одним словом, те, кто меня всю жизнь тайно или явно ненавидели. Да и Василиса тоже... Она, что, не могла повлиять на нашего сына? Но я уж точно не мог предположить, что окончательно у меня сдадут нервы из-за Кирилла – моего любимого мальчика-солнца, который всю свою жизнь дарил мне лишь любовь.

У судьбы отвратительное чувство юмора. Можно сказать, его, вообще, нет. В этом я убедился ещё раз.

Я не мог не поговорить с ними, видя, как они обходятся с Андроником, хотя, не рассчитывал, что этот разговор что-то изменит. Сперва я хотел побеседовать с каждым по отдельности, но случайно встретил их троих недалеко от работы моего друга. Оказалось, что у них с ним запланирована встреча. Точнее, встретиться Андроник желал лишь с младшим сыном, но Валерий и Эллакис также решили присоединиться, чему я сильно удивился. Так вот, ценой невероятных усилий мне удалось уговорить их выслушать меня. Мы пришли в то кафе, где должна была состояться встреча с Андроником, и пока он не пришёл, я сидел с ними за столом и пытался достучаться до каждого из них.

– Вы, вообще, понимаете, с кем имеете дело? Андроник – не просто ваш отец, ваш самый близкий родственник. Не просто твой «друг», Эллакис, которому здорово от тебя досталось. Он, вообще-то, на минутку, Бог. Его отец, я так думаю, приходил в последний раз. Последний раз проявлял себя, как Первое Лицо Троицы. Теперь они снова едины. По сути, вы имеете дело с Создателем. Выше его никого нет. И сильнее тоже. А вы думаете, его терпение безгранично?

Мёртвый Король сидел и что-то жевал, даже не глядя на меня, пока я перед ними распинался. Я ожидал хоть ка-

кой-нибудь реакции.

– Слушай, Танатос, тебе чего надо? – Спросил он будто сквозь зубы.

– Мне? Чтоб... вы к нему нормально относились.

– А в чём мы ненормально к нему относимся? – Раздражённо спросил Валерий.

– Ну, как же? Вы сами, что ли, не понимаете?

– Нет, подожди. Объясни, в чём конкретно мы не так к нему относимся, как ты хотел бы.

– Ну, есть нормы приличия, есть нормальные тёплые взаимоотношения в семье, понимание, забота, проявление чувств, взаимопомощь... Вам что, незнакомы все эти понятия?

– Я сыт ими по горло. – Неожиданно резко сказал Кирилл.

– А ты, Кирилл... Тебя я, вообще, не могу понять... Ты что творишь?

Он недоумённо взглянул на меня, будто вообще меня не понимал.

– А что я? У меня всё хорошо. У него всё хорошо. Чего ты к нам пристал?

Мальчишка нарушал субординацию. Ну ладно, тут уже было не до неё.

– Ты вычеркнул его из своей жизни. А твои обязанности, как хранителя? Ты уже и их не выполняешь. Зачем ты тогда соглашался?

– Мои отношения с отцом никого не касаются, даже тебя,

Танатос. Я не хочу с ним общаться. Не хочу его видеть. Может, это временно. Может, навсегда.

– Да ты! Ты себя хоть слышишь? – Взорвался я. – В чём причина, я не могу понять... Хотя, можно и так догадаться. Андроник слишком сильно вас любит, поэтому с ним можно вести себя, как угодно. Но это не навсегда.

– И что он сделает? – Насмешливо спросил Валерий.

Закрадывалась в моё сознание страшная мысль, но я всячески гнал её от себя.

– Вам не приходило в голову, что он может сильно обидеться?

При этих словах Эллакис просто покатился со смеху.

– Да пусть обижается, сколько влезет. На обиженных воду возят. – Весело ответил он.

Я покачал головой, глядя на трёх идиотов.

Молчание затянулось. Оно стало гнетущим. Я кое о чём вспоминал, пытаюсь подобрать правильные слова.

– Его, Создателя, то есть, во многих легендах представляли в образе змея... дракона-змея. В древних текстах сказано, что этот дракон выдохнул вместе с огнём материальный мир. Ничего не напоминает эта легенда?

Они слушали меня без малейшего интереса. Их больше интересовала пицца на тарелках.

– Напоминает теорию Большого Взрыва, только в более художественной форме. Так вот, к чему я это... Следовательно, раз Дракон-Создатель выдохнул этот мир, то он же мо-

жет его и уничтожить, стереть из реальности всё Мироздание: и Живую Вселенную, и Некромир, и мир ДоРождения. То есть, если он всё-таки решит это сделать, уничтожение будет тотальным. Не останется ничего.

Сыновья этого великого «дракона» посмеивались над моими словами, Эллакис скептически улыбался.

– И мы должны поверить в этот бред? Что какой-то Дракон-Создатель обидится и пожрёт весь мир?

В тот момент мне хотелось просто спросить у него: «Ты, реально, тупой или всё-таки прикидываешься?»

– Я сейчас говорю об Андронике. – Серьёзно ответил я. – Легенды иносказательны, но факты, которые...

– Танатос! – Прервал меня Мёртвый Король. – Нам не интересны твои измышления. Ты просто сам его боишься, вот и пытаешься сейчас запугать нас.

– Да уж, я зря надеялся до вас достучаться. Вы понимаете, что своим поведением ставите под угрозу весь мир?

Братья тут же прыснули от смеха. Очевидно, им было приятно надо мною потешаться. Они думали, что я шулки шучу. Ну-ну... Посмотрел бы я на них, если б произошло то, о чём я пытался их предупредить.

У самого меня, Четвёртого Всадника Апокалипсиса, ползли мурашки по коже при одной только мысли о том, что будет, если они всё-таки доведут Великого Сына, и в нём пробудится Дракон-Создатель.

Я давно не делал ставку на Эллакиса, Валерия, Василису

и возможно, других женщин, которые появятся в жизни Андроника. Да и сам он забил на свою личную жизнь. Но Кирилл являлся на тот момент единственным, от кого зависело, что будет делать дальше Великий Сын. По сути, он один тогда решал судьбу мира, и из-за своей природной расхлябанности, баловства, пофигизма даже не понимал этого. И самое страшное, что он не желал никого слушать и внимать советам. Хотя, нет. Мёртвого Короля он, наверное, всё-таки слушал, как бы парадоксально это не выглядело. Ведь как-то же он попал под его влияние. Ещё, скорее всего, он прислушивался к Хранителям Кодов на своей «работе», которые говорили про Андроника гадости. А у самого мозгов не хватало заткнуть им рты. Признаться, Кириэль меня сильно разочаровал. Возможно, даже больше, чем Валерий.

– Танатос! – Вырвал меня из размышлений голос Мёртвого Короля. – Если на этом у тебя всё, то мы тебя больше не задерживаем.

На его лице расплылась хищная кисло-сладкая улыбочка, которую так хотелось стереть! Я непроизвольно сжал кулаки и встал из-за стола. Трое невменяемых тупиц только и ждали, когда я уйду.

– Кирилл, прошу, подумай над моими словами. – Напоследок сказал я хмурому парню.

Он даже не взглянул на меня. Куда подевалась вся его весёлость? Куда исчез тот улыбчивый, добрый ребёнок, считавший своего отца центром вселенной? На его месте появился

жёсткий, категоричный мужчина, которому было плевать на чужие чувства.

Я ушёл от этой компании, будто оплётанный, надеясь лишь на чудо. Но жизнь неоднократно показывала, что мои опасения оказывались оправданы. Как бы я хотел, чтоб в тот раз моё чутьё меня подвело, ибо то, что оно мне говорило, было во стократ страшнее всех бед вместе взятых, когда-либо обрушавшихся на Мироздание.

Я вышел из того ресторана на ватных ногах. Сознание моё будто рассыпалось на мелкие кусочки. Земля шаталась под подошвами кроссовок, и мне хотелось сложить, как карточные домики, все эти небоскрёбы на моём пути, подсвеченные закатом. Мне хотелось погасить все звёзды, чтоб они начали постепенно гаснуть одна за другой, начиная с окраин Живой Вселенной, пока не настал бы черёд Солнца. И тогда... Тогда бы я погрузил во тьму всю Землю, которая принесла мне столько боли. Я представлял, как постепенно она рассыплется частицами льда, которые растворятся в вечном вакууме. И не будет больше ничего... Ни боли. ни радости, ни борьбы, ни любви... Только вечный покой.

Я шёл по улице неизвестно куда, не замечая расстояний и времени.

«Кирилл... Кирилл... Кирилл...» – Стучала кровь в вис-

ках, у горла, у сердца.

Каждый атом моего тела прошивала боль. Электроны, протоны, нейтроны срывались со своих мест, разрушая ядра. Ни о каких мыслях уже не могло идти речи. Так растворялась вся моя сущность, превращаясь в ионизирующий чёрный туман, который тоже постепенно исчезал.

Снова не хотелось жить. Не просто жить. Мне хотелось поставить жирную точку в самом принципе Существования: и себя, и всего Мироздания.

Да, решение было принято. Я жалел лишь о том, что не принял его раньше и мучился столько тысяч лет. Всё оказалось так просто.

Город сменился пустырями. Каменные щупальца спрута-мегаполиса отпустили землю, освободив её от гнёта памятников человеческому тщеславию. Я оказался посреди свежих лесов. Прошедшие дожди наполнили их упоительным ароматом, и на миг я задумался, осознав, что ничего этого больше не будет, и вдруг понял, что мне не жаль. Ничего теперь не жаль. Никаких потерь. А они будут безграничны.

В какой-то миг всё во мне изменилось. Перевернулось. Исчез тот я, которого я каждый день видел в зеркале. Я стал безграничной тьмой. И будто дракон, помчался к дальним рубежам вселенной, чтобы исполнить то, что пообещал тем, кто вырвал мне сердце. Я поглощал одну звезду за другой, но их было так много, что добираться обратно до Земли мне

следовало сотни, может миллионы лет.

И одновременно я чувствовал, что лежал на холодной мокрой траве. Мрак расползлся от меня, я сам стал его средоточием и распространял тьму вокруг себя, как костёр распространяет дым. Он немного рассеивался на границе дня и вечной ночи, в которую я был погружён, и создавал ореол вокруг моего тела. Это необычное явление должны были заметить люди, и в первую очередь элохимы, следящие за малейшими изменениями энергетического состояния Живой Вселенной. Я предполагал, что вскоре ко мне явятся вездесущие Беленус и Танатос, но мне было всё равно. Я не собирался никому ничего объяснять, и вообще, с кем-либо разговаривать.

Тьма пожирала Живую Вселенную. Я начал с неё. Потом переключился бы на Некромир, с удовольствием растворив во мраке, как в кислоте, Имморталис-Сити, трон Мёртвого Короля и его самого вместе с его мерзкими прислужниками, и на завершающем этапе стёр бы мир ДоРождения с этими алчными, как люди, осколками, которых мне ни капли не было жаль. Вот такой у меня был план. Последний план, полностью противоположный изначальному. План тотального растворения Мироздания.

Когда ЭТО началось, я сразу понял, что они не вняли мо-

им советам. Так и продолжали ухахатываться с меня, как с клоуна, унижая тем самым, в первую очередь, себя. Однако когда точка невозврата была окончательно пройдена, что-то дрогнуло в их сердцах. Но три идиота ещё до конца не могли поверить в то, что всё происходит взаправду, и что их бессмертные задницы в скором времени тоже ждёт смерть. Наверное, они находились в полнейшем шоке, не ожидая, что Андроник на такое способен. А вот меня он ничуть не удивил. Я давно предполагал, что абсолютный апокалипсис – лишь вопрос времени. Но не Андроник принёс его миру. Его принёс в большей степени его младший сын, косвенно, сам того не осознавая. Хотя, он ведь был не глупым парнем, неужели не мог понять, что у его действий по отношению к отцу будут последствия? Боль наслонилась как снежный ком. Та боль, которую Андроник больше не мог выдержать, даже будучи Богом, и предпочёл стереть реальность. Последней каплей для принятия этого рокового решения стало именно безразличие его младшего сына по отношению к нему.

Я не знаю, как бы я поступил на месте Андроника. Наверное, просто плюнул бы на предавшего меня мальчишку и продолжил жить дальше, без него, но Андроник не смог этого сделать. И он Бог, а значит, вправе по своему желанию уничтожить то, что сам создал. Об этом я и сказал Беленусу, когда мы отправились к месту «аномалии», как окрестили её в человеческих СМИ. На деле же в том средоточии мрака находился сам Дракон-Создатель. Приблизиться к нему

было невозможно, как и увидеть. Его окружали вихри мрака, мчащиеся по кругу с бешеной скоростью. В них время от времени вспыхивали красные молнии, разрезая своими острыми кинжалами тьму, но она снова срасталась, мешая увидеть сердцевину урагана. Земля вокруг была выжжена, деревья повалены и превращены в уголь, будто на них воздействовало сумасшедшее давление. В небе над аномалией сгустились чёрные, как ночь, тучи.

Меня объял ужас, как только я увидел средоточие этой тьмы. Но я попытался успокоить себя мыслью, что мне придётся принять неизбежное, независимо от того, хочу ли я этого или нет. Я не боялся смерти, развоплощения, тотального небытия, мне было просто жаль, что всё так закончится, что Андронику придётся разрушить это прекрасное творение, которое он создал. И всё из-за этих недалёких, эгоистичных, чёрствых, безжалостных тварей, которые разбили его душу.

Я всегда считал так – но это касалось, скорее, романтических отношений – так вот, я считал, что раз человек тебя выбрал, то прими его выбор, если ты один, и попытайся сделать его счастливым. А иначе станешь невольным виновником всего плохого, что дальше произойдёт с отвергнутой тобой душой.

И божественная душа Великого Сына оказалась отвергнута. Отвергнута всеми. Поэтому я не видел ничего удивительного в том, что он решил всё уничтожить.

Жизнелюбивый Король Элохимов всё-таки искал пути решения этой проблемы. Он пытался заговорить с Андроником, но Великий Сын не выходил на связь.

– Прекрати. Всё кончено. – Сказал я ему.

– Ты так просто сдашься? – Возмутился он.

– Я не сдаюсь. Я просто принимаю волю Творца. Если он хочет всё уничтожить, кто мы такие, чтоб ему препятствовать?

– Вообще-то, ты – Всадник Смерти, а я тоже принимал участие в создании Мира. Я – соавтор, как и большинство элохимов. Лишать нас права выбора как-то нечестно, не правда ли?

– Что ж, Беленус... Задавай эти вопросы его чудесной семейке, которая и довела его до этого нервного срыва. Я тут ни при чём. – Усталое ответил я.

– И где они? Где его дети? Он, что, и их уничтожит?

Его вопрос остался без ответа. Я ходил вокруг средоточия тьмы, разглядывая тело Дракона-Создателя. Я восхищался им, наверное, ещё больше от того, что в скором времени не станет ни его самого в привычном материальном воплощении, ни того, что он создал. Останется лишь первородный непроявленный Хаос, из которого, однажды, возможно, снова появится вселенная, если Дракон-Создатель забудет о боли, которую ему причинили.

А семейка, кстати, не заставила себя долго ждать. Мы вскоре встретились с ней. К месту, где расположилось тело

Дракона, пришли двое его сыновей, Мёртвый Король и его сестра Василиса, которую он вызвал из Имморталис-Сити. Все они, конечно же, были в ужасе, и не могли поверить своим глазам, когда едва прикоснувшийся к тьме Кириэль вызвал ещё большую бурю. Из неё восстал громадный змей, состоявший из мрака, с горящими малиновыми глазами. Он вздыбился над землёй, над обгоревшими скелетами лесов и высохшими руслами рек. Его тело, сотканное из тьмы, зловеще извивалось, задевая чёрные тучи. Но он не планировал ни нападать, ни говорить с нами. Он обогнул Землю несколько раз и затем снова улёгся в свою колыбель тьмы, засыпая.

– Ну что, доигрались? Думали, что я шутики шучу? – С чувством полного удовлетворения сказал я Мёртвому Королю. – Получайте теперь то, что заслужили.

– Раньше я не замечал за ним истеричности... – Цинично ответил Эллакис.

Я уже хотел было возмутиться, но к нам подошёл Кириэль, и моё внимание переключилось на него.

– А ты что? Видишь, что ты натворил? Господи, как Андроник мог вырастить такого тупого сына?

– Может, хватит меня оскорблять?

Кирилл разволновался не на шутку, хотя старался этого не показывать. Но он сразу понял, что дело плохо. Что, вообще, все наши дела плохи.

– С ним можно как-то поговорить? – С надеждой спросил он, на что я развёл руками, и тогда он вдруг подскочил ко

мне, сжал моё плечо и затараторил в панике:

– Танатос, ты можешь что-то сделать? Ну, ты же – Всадник Смерти! Должен же быть какой-то выход! Мы должны предотвратить...

Я грубо стряхнул его руку и посмотрел на него, как на провинившегося ребёнка.

Отца он любил. Конечно, любил. Только было уже поздно.

– Раньше надо было об этом думать. Простите, но я не всесильный. Ни я, ни Беленус, ни Михаил, ни кто-либо ещё из элохимов или Хранителей Кодов не сможет уже ничего исправить. Думали, Мёртвый Король – самый страшный и опасный, да? Вот и на него управа нашлась.

Эллакис злобно зыркнул на меня, но ничего не сказал. Василиса что-то тихо причитала и сокрушалась по поводу происходящего.

В тот момент я подумал, что она виновата не меньше их всех, ведь с её попустительства Валерий гнобил своего отца. Понятное дело, он был неуправляем. Но неужели и слово родной матери не имело для него никакой ценности? Может, ей просто было всё равно, как её сын относится к своему отцу? Тогда безразличие делало её соучастницей этого нравственного преступления.

В какой-то момент я начал винить и себя, и Беленуса, и Тома, но не могли же мы вставить свои мозги Эллакису и сыновьям Андроника!

– Когда дойдёт очередь до земного солнца? – Спросил ме-

ня подошедший Беленус, будто сам не мог сделать расчёты.
– Нескоро. – Нехотя ответил я.

Это «нескоро» могло значить сколько угодно времени, смотря с чем сравнивать, но в масштабах бессмертных оно значило, скорее всего, сотни, может, даже тысячи лет.

– Значит, время у нас ещё есть.

– Очнись, его нет. Не всё ли равно, тысяча лет или миллион, если мир всё равно будет уничтожен?

– Нет, не всё равно, Танатос! Ты как всегда со своим пессимизмом...

Наш разговор услышал Кириэль и тут же подошёл к нам. Чего же он теперь не шёл к своему брату и «дяде», с которыми и совершил это грязное дело?

– Что-то ведь можно сделать? Правда?

– Нет! – Снова нагрубил я. – Иди, продолжай кривляться в своём цирке. Построить карьеру артиста тебе времени хватит.

Ребёнок совсем сник. А в тот момент он будто вновь превратился в ребёнка, растерянного и брошенного единственным родителем. Мне даже стало его жалко. Но потом я вспомнил, как в последнее время он вёл себя с отцом, и сразу же волна негодования захлестнула меня.

– Уйди с моих глаз, Кириэль! Пожалуйста! Пока я тебя не ударил.

Парень отшатнулся, с опаской глядя на меня. В его взгляде отразилось непонимание. Наверное, он даже не осознавал

своей вины. В общем, я оказался прав насчёт его умственных способностей.

Я снова переключил внимание на Короля Элохимов. Хотя, чего полезного он мог теперь сказать, в сложившейся ситуации? Да и я тоже не знал, что делать.

– Мне плевать, что он уничтожит мир! Я хочу ещё хоть раз увидеть его! – Кричал Кирилл в истерике.

– Ты же требовал, чтоб он исчез из твоей жизни! Ну, вот он и исчез. Ты получил то, что хотел.

– Хватит издеваться! – Сквозь слёзы воскликнул он. – Я не знал... Я не знал, что так всё произойдёт! Господи! Я просто хотел, чтоб мы друг от друга отдохнули. У меня и в мыслях не было...

Мне стало тошно от его наигранных оправданий.

– Хватит придуряться! Ты прекрасно знал, что делаешь. Ты делал это осознанно. Ты специально не отвечал на его звонки и сообщения, не позволял себя увидеть, врал, что у тебя нет времени, при этом зависая с друзьями в ночных клубах. Ты прекрасно понимал, что такое поведение причиняло ему боль, и всё равно продолжал вести себя, как свинья. А в конце ты, вообще, сказал ему исчезнуть из твоей жизни. И он исчез. Теперь радуйся!

– Танатос, хватит уже долбить ребёнка! – Вмешался Беленус.

– Ребёнка? – Я засмеялся. – Из-за этого ребёнка мы все теперь в полной заднице!

– Не он один виноват!

Беленус защищал его даже в сложившейся ситуации. Что ж, неудивительно, ведь в реальности номер Один, которая оказалась начисто стёрта, Кириэль был его сыном. Наверное, на каком-то глубинном генетическом уровне он чувствовал тягу к этому дрянному мальчишке.

– Ладно, хватит этого разбора полётов. Может, мы уже попытаемся что-то сделать?

– Ничего не поможет, Беленус! Ты хоть понимаешь, с чем, точнее, с кем мы столкнулись? – Раздражился я, нарушая субординацию.

– Спасибо, не тупой. Понимаю. Но чем вопить о том, что всё потеряно, как это делаешь ты, я предлагаю хотя бы попытаться исправить ситуацию!

– Ну вот, пожалуйста... Все вопросы к этому молодому человеку. – И я указал обеими руками в сторону растерявшегося Кириэля. – Пусть исправляет ситуацию. Пусть извиняется, правда, я не представляю, каким образом он будет это делать.

– Почему все винят одного меня? – Возмутился Кирилл. – Будто я один виноват в том, что произошло. Они – и он указал на стоявших неподалёку Эллакиса и Валерия – виноваты гораздо больше меня! Вы что, забыли, как они обращались с моим отцом? Как он был у них в плену, где его пытали. Как он воевал со своим сыном, который едва не отправил его в Великую Пустоту. А я... Я всего лишь не отвечал на звонки каких-то несчастных два месяца!

Под конец у Кириэля сдали нервы, и он сорвался на плач. И тогда я уже сам понял, что перегнул палку. Конечно, не сильно-то он был и виноват. И в половину не так, как его брат и Эллакис. Возможно, его вина заключалась лишь в том, что, зная неуравновешенность психики своего отца, он начал показывать свой характер, хотя прекрасно понимал, что причиняет ему боль. Я также понял, для чего отец Андроника назначил Кирилла его ангелом-хранителем. Вероятно, он предвидел такой исход событий и хотел его предотвратить. Он планировал воспрепятствовать возникновению вражды и противоречий между своим сыном и Кириэлем, но этот план, к сожалению, не сработал, хотя поначалу казалось, что всё идёт хорошо.

– Ну, всё-всё, успокойся, больше тебя никто ни в чём не обвиняет. – Приговаривал Беленус, утешая мальчика.

Он обнял Кирилла и гладил его по спине. Того била истерика.

«Боже, парню и так сейчас тяжело, а я ещё так на него наехал». – Подумал я, мысленно сокрушаясь.

Зато Валера, казалось, совсем не переживал. Да, он был мрачней обычного, но не делал из сложившейся ситуации трагедии. Отца он никогда не любил. А если и любил, то как-то по-своему, жестокой и противоречивой любовью, которая больше была похожа на одолжение.

– Что, если попробовать пройти туда, к нему? – Немного успокоившись, предположил Кириэль.

– Сквозь тьму? Боюсь, не получится.

– Но почему?

– Не думаю, что он подпустит тебя к себе. – Ответил я так, будто знал это на сто процентов.

– Я всё равно попытаюсь.

Кирилл исполнил задуманное. Мы все замерли в ожидании того, что последует дальше. Он почти вплотную подошёл к вращающемуся столпу тьмы и протянул руку, чтобы коснуться сумасшедшего вихря. Тут же его отбросило назад непреодолимой силой. Парень отлетел на несколько метров и рухнул на землю, больно ударившись спиной.

На его лице блестели высохшие дорожки от слёз. Но их причиной, конечно же, была не физическая боль, а осознание того, что он натворил.

Он поднялся на ноги и снова побежал вперёд. Беленус преградил ему путь.

– Нет! Я должен его увидеть! Я должен поговорить с ним! Я так не смогу! Он нужен мне! – Протараторил парень.

Король Элохимов не смог его удержать.

Я сбился со счёта, наблюдая за попытками Кириэля пробиться сквозь тьму к Дракону-Создателю. Он не пускал его. Он никого не желал видеть, а Кирилл был настойчив, как никогда.

Когда он сбил в кровь коленки и локти от бесчисленных падений, а из его рассечённой брови потекла кровь, я подошёл к нему и сказал, чтоб он заканчивал.

– Какое тебе дело, Танатос? Я трачу своё время и свою жизнь.

– Не так много осталось того и другого. Тебе стоит потратить их на что-то более полезное.

Кирилл зло посмотрел на меня, но ничего не ответил. Уже смеркалось, но уходить он не собирался. Элохимы не спали, Валерий, Эллакис и Василиса тоже, но они предпочли вернуться в Имморталис-Сити, поняв, что ничем не смогут помочь. У аномалии, бесцельно теряя драгоценное время, остались лишь я, Беленус, Том и Кириэль.

Мы с элохимами ненадолго отлучились, а когда вернулись, Кириэля нигде не было видно. Как он потом рассказывал, после череды неудачных попыток, его объяло жуткое отчаяние. Он рухнул на землю у столпа тьмы и долго-долго плакал. И тогда, в какой-то момент, отец сжалился над ним. Тьма расступилась, создав коридор, подсвеченный красными молниями. Кирилл воспрянул духом. Он сразу же вскочил на ноги и устремился вперёд.

Он увидел своего отца совсем другим, в непривычном образе. Его одежды были сотканы из мрака. На лице застыла маска отчуждения. Чёрная радужка глаз затопила собою белки, и неестественно контрастировала с бледной, как мрамор, кожей. На висках застыли чернильные узоры. Они двигались под кожей и порою залазили кончиками на щёки и лоб. Андрионик – Создатель-Дракон – неподвижно стоял посреди выжженной пустоши, а вокруг него проносились вихри тёмной

энергии, закручивавшиеся в сингулярные спирали и окружности. Красные молнии били в истерзанную землю. Над его головой зиял чёрный провал в ужасающую космическую бездну, через который он пожирал звёзды.

Увидев своего любимого отца таким, мальчишка пришёл в ужас. Но любовь в его сердце всё равно была сильнее. При этом, что он же сам и выпустил на свет этого Дракона, о котором говорилось в самой Библии.

Кириэль осторожно приблизился к нему. Андроник не обратил на него никакого внимания. Он находился либо без сознания, либо в каком-то трансе, но сына всё-таки подпустил к себе. Это уже являлось прогрессом.

Парень позвал его, но услышал в ответ лишь молчание. Он долго и слёзно извинялся, падал на колени, умолял его простить, пощадить, но Андроник оставался безмолвен.

Тогда Кирилл поднялся на ноги и коснулся ладонью его холодной щеки. Снова не последовало никакой реакции.

– Папа... – Шептал сквозь слёзы почти детский голос, будто не переживший ломку. Только тогда Кирилл понял, что всё то время, проведённое внутри тьмы, не проронил ни единого слова, и общался с отцом мыслями.

– Я умоляю, прости меня... Всё будет, как ты захочешь. Я всё сделаю для тебя. Только, прошу, пощади нас всех! Не уничтожай Мир! – Ну и всё в таком же духе.

Андронику, наверное, надоело слушать эти мерзкие излияния после совершённой его родственниками подлости, и он

закричал:

– Пошёл вон! Пошли все вон! Я вас всех ненавижу!

Мы с Беленусом и Томом слышали этот крик, но не смогли разобрать слов, находясь далеко, и не подумали, что он принадлежал Андронику.

Кирилла обожгло молнией. Он упал, а затем был выброшен неведомой силой за пределы тьмы. Она сомкнулась, скрыв от его взора отца.

– А кто ещё был ему дорог? – Спросил Беленус, когда мы узнали, что случилось за время нашего отсутствия. – Ну, кроме семьи.

– Может, Тесея... – Предположил Том.

– Тесея? Асур? Она же развоплотилась!

– Да, но... Они успели сблизиться.

Беленус удивлённо поднял брови. Он не знал многих подробностей жизни Андроника в Первой реальности, которые знали я и Том.

– Вот как? Но в любом случае, она не сможет сейчас вернуться из развоплощения.

– Сможет, если ты её позовёшь. – Сказал я.

Беленусу, конечно же, этого делать не хотелось, но это был реальный шанс спасти мир от уничтожения.

– Я никого ещё не звал назад. – Отмахнулся он.

– Значит, пришло время попробовать.

– Танатос, отвали. Я не буду этого делать.

– Почему? Стыдно?

Нам прекрасно было известно, что в реальности номер Один Беленус истребил весь её народ, а после слияния действительностей, асуры оказались стёрты и из Второй.

– Дело не в этом. Просто... просто, всё это бессмысленно!
– Раздражённо ответил он.

– Ты призовёшь её. А иначе... – И я сделал выразительную паузу. – Мы объявим тебе вотум недоверия.

– Ха! Не всё ли равно, если мир будет уничтожен? Как будто мне теперь есть дело, буду ли я править дальше или нет!

– Думаете, она была ему так дорога? – Неожиданно встрял Кириэль. – Я был и остаюсь ему дороже всех! И то, я не смог уговорить его! А она – женщина, с которой он даже не жил никогда, а только провёл одну ночь! Думаете, она была ему дорога?

Мне хотелось крикнуть мальчишке заткнуться, потому как нам тогда было не до его глупой ревности. Тесею он отчего-то невзлюбил. Может, он злился, что она не стала его матерью из-за развоплощения? Тогда его злость была равносильна злости Валерия, считавшего отца виновным в том, что он погиб на войне и не смог его вырастить. Но, независимо от мнения Кириэля, Тесея должна была попробовать уговорить Андроника не уничтожать мир.

Я поражался, до какой степени отчаяния нужно было его довести, чтоб он решил это сделать. Он, тот, кто всегда помогал людям, спасал вселенную от Мёртвого Короля и про-

чих врагов, решил собственноручно поставить жирную точку в вопросе существования Мироздания. Для того, чтоб вынудить Бога начать уничтожать своё творение, поистине, надо было иметь чёрный, дьявольский талант. И оба сына Андроника оказались им наделены. Сходств между ними было больше, чем различий. Это показывали их поступки. Но Кирилл всё же оказался мягче и человечнее. Может, сказывался возраст. Однако это не помешало ему сделать то, что он сделал.

Беленус утверждал, что если б не Кирилл, всё равно бы терпение Андроника когда-нибудь лопнуло. К несчастью, это произошло слишком скоро, когда никто не ожидал. Но я всё ещё надеялся, что Великий Сын успокоится и передумает. А пока... Пока в небе продолжали исчезать звёзды: одна за другой... Третью часть из них увлёк хвост Дракона-Создателя и поверг во тьму¹.

Тесея согласилась вернуться из развоплощения, но и она сомневалась в том, что была настолько дорога Андронику, как считал Том.

Когда она пришла, я увидел перед собой красивую темно-волосую девушку с ясным горящим взглядом и мгновенно прочитал неодобрение в глазах Кириэля.

¹ «Хвост его увлёк с неба третью часть звёзд и поверг их на землю» (Откр. 12:4)

Тесея не обращала внимания ни на кого. Она пришла только ради Андроника. Но я сомневался, что она любила его такой любовью, которой жаждал Великий Сын. Однако если верить рассказам Тома, Андронику с ней было хорошо то недолгое время, пока он гостил у асуров в реальности номер Один. Но Тесея сразу предупредила, что даже если всё получится, она не останется в Живой Вселенной, потому как не сможет жить без своего народа.

Я запомнил её звонкой, хрупкой девушкой, в которой, однако, чувствовалась необыкновенная сила, способность вести за собой сотни единомышленников и повелевать их умами. Тесея была неординарной личностью даже среди элохимов, и, вернувшись из развоплощения, она ничуть не изменилась.

Она не питала надежд на то, что всё ещё нужна Андронику, и её появление непременно всё изменит, но всё равно пошла на это. Но чуда не произошло. Тьма не расступилась перед ней, как перед Кириэлем. Но когда она касалась ладонями покровов вращающегося мрака, вихрь тьмы реагировал. В месте её прикосновений возникали мелкие красные молнии, которые сливались в нечитаемые узоры и затем исчезали в глубине. Тем самым Андроник давал понять, что рад её видеть, но её присутствие ничего уже не исправит. Происходящее походило на какой-то кошмарный сон, от которого мы все не могли проснуться. Я до конца не верил, что мир будет уничтожен. А следовало бы смириться с этим после ви-

зита Тесеи, который не изменил ничего. Андронику было так плохо, что появление девушки, смерть которой в своё время причинила ему сильную боль, не смогло вызвать в нём радости и желания жить. Он говорил через каждый атом этой вселенной о своём нежелании продолжать это существование. И, если честно, мне тоже расхотелось жить вместе с ним. Смысл был потерян давным-давно, и всё, что происходило дальше, являлось лишь агонией с редкими просветами надежды, которая всё равно в итоге таяла, в очередной раз доказывая, что, сколько ни сопротивляйся, энтропия, в конце концов, победит.

Мы вернулись к себе в Элизиум. Только Кириэль отказался покидать место аномалии. Он ночевал там, в лесу, в палатке. Естественно, он забил на свою учёбу, работу и, вообще, на свою жизнь. А Эллакис и Валерий, насколько я знал по слухам, озверели совсем, осознав, что конец близок. Они пытали умрунов, издевались над ними ради забавы, упивались алкоголем, пытаясь залить своё «горе». Просто смешно!

Единственный вопрос, который мучил всех: и умрунов, и элохимов, и людей, которые окончательно поняли, что наступил апокалипсис, – сколько осталось существовать этому Мирозданию – витал в воздухе, но на него не было ответа. Никто – ни человеческие учёные, ни элохимы, ни Хранители Кодов не представляли, как быстро Дракон-Создатель пожрёт все звёзды и доберётся до Солнца, смерть которого

будет означать крах человеческой цивилизации. Оставалось лишь смириться и ждать этого неизбежного конца. И казалось, что все так и сделали. Все, кроме одного божественного осколка, который когда-то подарил Андронику новую жизнь, чтоб потом невольно отобрать её назад. Он не успокаивался и даже не думал сдаваться. Но никто уже не верил, что всё обойдётся.

Спустя полгода я увидел его ужасно заросшим. С подбородка свисала борода. Спутанные светлые волосы отросли до плеч. Он мылся и стирал одежду в реке. Продукты первое время покупал в магазине, в ближайшей деревне, потом, когда закончились деньги на карте, стал охотиться и жарить дичь на костре.

Зимы в Подмосковье суровые, и обычный человек не выдержал бы жизни в палатке, но Кириэль, ведь, не был человеком.

Каждый день он подходил к столпу тьмы, окружавшему Дракона-Создателя, и говорил со своим отцом. А по вечерам долго сидел у костра, смотря, как ненасытные языки пламени пожирают поленья. Потом он задирает голову и считал звёзды, пытаясь узнать, сколько из них осталось, но всякий раз сбивался. Их ещё оставалось много.

Он стал таким худым! Как с креста сняли! Кожа да кости! Его отец тоже одно время выглядел, как анорексик, когда воевал со своим старшим сыном.

Я понимал, что Кирилл находился в жутком стрессе, но от того, что он круглыми сутками торчал возле Дракона и доводил себя до изнеможения, ничего бы не изменилось. Я советовал ему вернуться домой.

– И спокойно дожидаться смерти? – Возмутился он. – Я никогда не сдавался. Не сдамся и теперь.

А ещё спустя месяц произошло нечто неожиданное. К Дракону-Создателю явилась делегация Хранителей Кодов во главе с Михаилом! Уж этого я никак не ожидал: что первый и, наверное, самый главный враг Андроника соизволит посетить его перед апокалипсисом.

Михаил выглядел мрачным, но не растерянным. Он не оправдывался, и я понял, что в его коротком извинении не было искренности, он произнёс эти слова в надежде на то, что они как-то подействуют на Андроника, и он изменит своё решение. Да, они, действительно, подействовали. Только не так, как ожидал главный архангел. После его короткого «прости» из тьмы взметнулась ввысь стрела, состоящая из багровых молний, и затем, устремившись вниз, ударила в Михаила. Он еле успел отразить этот удар своим мечом. Стрела рассыпалась, а молнии ушли в землю. Ураган тьмы закрутился с новой силой. Всё это означало, что извинения не приняты. Быть может, если б они оказались искренними, исход был бы другим. А так...

– Мне очень жаль... – Наигранно сказал главный Хранитель Кодов, повернувшись к нам.

На его нечитаемом лице не отразилось ни одной эмоции. Он был бездушной машиной для исполнения приказов, как когда-то выразился Андроник.

Я, Кирилл и Беленус стояли и молча смотрели на делега-

цию, пока сын Андроника, едва сдерживая кипящую в нём ярость, не процедил:

– Убирайся отсюда! Ты – его враг!

Я думал, Михаил не осмелится возразить, но он спросил:

– А ты?

И в тот же момент Кирилл попытался кинуться на него, но Беленус его удержал.

Там был и его «начальник» – Уриил, который, сдержанно поджав губы, боялся даже поднять взгляд на сына Андроника. Хотя все были виноваты в равной степени.

Делегация покинула зону аномалии, и Кирилл вздохнул с облегчением.

– Может, ты тоже побудешь дома какое-то время? – Обеспокоенно спросил Беленус, глядя на то, как ужасно Кирилл выглядел.

– Нет, я останусь с ним. – Упёрся он.

– Ты понимаешь, что твой отец уже не такой, каким ты его всегда знал?

– Всё равно он – мой отец.

Мы так и не смогли его уговорить вернуться, и он остался в лесу. Он жил в нём уже больше полугода, и готов был, наверное, остаться в нём на сотни лет, лишь бы быть рядом с Андроником.

– Преданность. Неужели она не зацепит Дракона?

– Вряд ли... – Сказал Беленус, и отчего-то стал очень грустным.

Несмотря на произошедшие события, жизнь продолжалась. Пока ещё продолжалась.

Я по-прежнему ходил на работу в Отдел, руководил Службой Безопасности Элизиума, и иногда, раз в месяц навещался на Землю, к Дракону-Создателю, чтобы узнать, не изменилось ли его состояние. Хотя, энергетические показатели вселенной говорили о её постепенном растворении.

Однажды я встретил возле аномалии родственников Андриона. Они бесцельно слонялись вокруг столпа тьмы, а Кириэль исподлобья следил за ними, сидя в стороне.

Зима близилась к завершению, но кругом всё ещё лежали глубокие снега, и мороз был небольшим.

– Что им здесь надо? – Спросил я у мальчика.

– Надеются что-то изменить. Папа на них даже не плюнет! Не станет себя утруждать! Твари! Как же я их ненавижу! Всё это случилось из-за них! Боже, зачем я их слушал?

– Так ты тогда всё-таки попал под их влияние?

– Я... Не знаю, я... Просто, они говорили много чего об отце, да и я тогда был на него зол из-за того, что он вернул Мёртвого Короля, вот и подвергся их внушению.

Он с досадой ударил кулаком по земле. Мокрый снег хрустнул, а к нам подошёл Эллакис.

– Прогуливаешься? – Спросил он кисло-сладким тоном.

– Как и ты. – Ответил я.

– А я думал, тебе совесть не даёт покоя спать.

Поразительно, как из белого он мог сделать чёрное.

– Да нет, это, скорее, тебе она не даёт покоя. Хотя, я забыл, у тебя же её нет.

Он сделал выразительную паузу и тяжело вздохнул.

– Я любил Андроника. Он был мне как брат. И всё, что я делал, я делал ради его же благополучия.

– Ты, что, держишь нас за идиотов? – Возмутился Кирилл.

Он вскочил на ноги, и, наверное, ударил бы Мёртвого Короля, если б не ослаб от постоянного недоедания и холода.

Но Эллакис не обратил внимания на его вспышку гнева. Вместо этого он повернулся к Создателю-Дракону, объятому мраком, и пошёл по направлению к нему, будто поняв, что надо говорить.

– Ты слышал эти слова, Андроник? – Закричал он.

Его голос отразился от снегов и промёрзших крон деревьев, умчался в морозное небо, и там, будто встретив какую-то преграду, упал на землю.

– Я всегда был и буду на твоей стороне. Что бы я тебе не говорил, как бы не поступал с тобой, я хотел только одного – быть частью твоей жизни, ведь ты – Создатель всего, ты – Великий Сын. Только дурак упустил бы тебя из своей жизни... Я хочу, чтобы ты жил...

Ну, bravo! Даже я не смог определить, искренен ли был Эллакис в своих речах.

Но и они не понравились Андронику. Как и Михаила, Мёртвого Короля ударила стрела из молний, взвившаяся над столпом мрака и устремившаяся вниз. В последний момент он успел отскочить в сторону. Всё это доказывало, что Андроник нас слышал. Слышал каждый разговор, происходивший возле области мрака.

– Ну как успехи? – Злорадно спросил у Эллакиса Кириэль, когда он вернулся к нам.

– Больше ничего не поможет. – Обречённо ответил он, и я узрел в его глазах такое отчаяние, которое поразило меня до глубины души. Я-то считал, что Мёртвый Король априори не мог испытывать никаких чувств. А актёр из него был никакой. Выходит, он был искренен тогда?

Валерий так и не заговорил со своим отцом ни разу. Наверное, думал, что реакция на него будет такой же, как на всех остальных. Он и его дядя побродили ещё немного во круг тьмы, а затем ушли, не оглядываясь. Я понял, что они больше не придут.

Выяснилось... В общем, эти подробности открылись мне совершенно случайно... Оказалось, что Валера долгое время вредил мне втайне. Ещё до моего похищения, как-то раз он забыл у меня куртку. У Кириэля была очень похожая, и я подумал, что это его вещь. Я взял её, чтобы повесить в шкаф для верхней одежды, и вдруг из кармана выпал какой-то пакетик с пылью. Я не буду говорить, о чём я тогда подумал. О чём в таком случае думает любой родитель... В общем, я разорвал целлофан и высыпал содержимое на ладонь. Внимательно рассмотрел и понюхал. Вопреки моим опасениям, это оказалась обычная земля. Но для чего она была нужна Кириллу? Что за глупости? Комнатных растений мы никогда не выращивали. Я ждал от него объяснений вечером. А вечером, однако же, выяснилось, что и куртка не его, а Валерия. Мы с Кириллом терялись в догадках, зачем ему таскать с собой землю. Он никогда не был привязан к своему дому.

В общем, я тогда решил не вникать в это. Завернул землю обратно в пакет и сунул его в карман, а когда сын вернулся за курткой, отдал её ему без лишних расспросов.

Только будучи в состоянии воплощения Дракона-Создателя, мне открылись знания о многих вещах, которые пытались от меня скрыть. Истинный смысл, казалось бы, сущих

мелочей, вдруг приобрёл совсем другой масштаб – поистине, разрушительный. Земля, которую я обнаружил в куртке Валерия, была с могилы Эллакиса! Долгие годы при каждом удобном случае любимый сынок подсыпал мне её в еду, чтобы ослаблять меня и поддерживать мою некротическую связь с Мёртвым Королём. В тот раз, перед моим похищением, он подмешал особо крупную порцию. Я помню, как на следующий день после того, как он пришёл в гости, я практически не мог встать с кровати. Меня настигла настолько сильная слабость, что казалось, будто в следующий момент я умру. Ноги болели нестерпимо. Они будто за одну ночь похудели, и кости голени теперь неестественно торчали, а прикосновения к ним вызывали боль. Именно к ногам в первую очередь цеплялись некротические каналы.

Я ослабел настолько, что даже не мог держать ложку в руке. Обеспокоенный Кирилл вызвал скорую, но приехавшие врачи не смогли обнаружить никаких причин моего недомогания. У меня было всё в порядке и с температурой, и с давлением. В итоге они только сказали больше отдыхать, дали мне таблетку от головы и уехали. Я отлёживался несколько дней. Кириэль всё это время был рядом и ухаживал за мной.

Уже будучи в воплощении Создателя-Дракона, я понял в чём тогда было дело. Передо мной возникло чёткое видение, как Эллакис отдавал моему сыну приказ:

– Твой отец совсем от рук отбился. Разберись с этим!

Они находились в мрачном замке Мёртвого Короля. Эл-

лакис, облачённый в чёрные доспехи, с пылающей короной на голове, сидел на своём ужасном троне. Он был очень зол.

Валера тут же, молниеносно, отправился выполнять его приказ.

Далее видение показало мне мокрое промозглое кладбище и моего старшего сына, копающегося в земле. Он брал не просто землю с могилы. Он брал тот грунт, который максимально близко соприкасался с останками Эллакиса, быть может, даже содержал микроскопические частицы его истлевших костей. Когда я это увидел, меня замутило, и я непременно исторг бы содержимое своего желудка, если б он не был пуст. Дальше мне открылись все ситуации, когда Валера подсыпал мне землю с могилы. Он сыпал её в еду, в кофе, в чай, однажды даже умудрился подсыпать в вино. Он делал это уже на протяжении более ста лет.

– А когда... Когда был самый первый раз? – Мысленно спросил я у реальности.

Видение закрутилось, замельтешило перед глазами, и вдруг остановилось. Я увидел дом Василисы, когда я приехал к ней после своего воскрешения и практически тридцатитрёхлетнего отсутствия. Валера, ожидавший меня там, уже готовил для меня необычную трапезу. Это происходило ещё до восхождения Мёртвого Короля на трон! Кто тогда научил моего сына этим некромагическим штучкам? Чего я о нём не знал? Может, он сам интересовался магией, и всё это время пытался меня погубить с помощью неё? Выходит, это

он способствовал образованию некротической связи между мной и Эллакисом, чтобы она, в конечном итоге, разрушила меня? Осознав это, я пришёл в ещё большее отчаяние.

Видения одно за другим продолжали всплывать в моём сознании. Одно из них перенесло меня в недолгое время, когда контроль надо мной со стороны Мёртвого Короля порядочно ослаб. Почувствовав это, Эллакис пришёл в дикую ярость. Он вызвал к себе своего племянника и орал на него так, что стены его резиденции – ужасного Храма Дружбы – тряслись как при апокалипсисе.

– Как это произошло? Как ты мог это допустить?

Валера, весь зелёный от волнения, оправдывался, как мог.

– Прости, дядя, но я пытался изо всех сил. Я много лет сыпал ему в еду землю с твоей могилы, чтобы поддерживать связь с тобой, но в последнее время этот способ потерял эффективность. Прошло слишком много времени с твоей смерти. Некроэнергия той земли слабеет. Я начал делать порчи, энвольтирование, но и эти методы работают всё хуже и хуже. Он сопротивляется. Я не могу пробить его энергополе, будто мне что-то мешает...

– Так придумай новый способ его ослабить! – Рявкнул Мёртвый Король.

– Я пытаюсь, но если б я мог ближе к нему подобраться... Андроник не очень-то идёт на контакт со мной, после всего, что произошло...

– Ха-ха-ха! И в этом виноват ты сам, идиот! У тебя был

такой замечательный отец, и ты умудрился испоганить отношения с ним. А если б ты постоянно находился рядом, этого разговора сейчас бы не происходило, и Андроник всегда был бы на нашей стороне! Иди! Ищи способ! Ты меня сильно разочаровал!

Мой старший сын, словно побитый пёс, обиженно шмыгал носом. Он не ожидал такой жёсткой реакции на его провал от дражайшего дядюшки.

– Я думал, ты меня любишь... – Разочарованно пробубнил он.

– Любовь надо заслужить! – Жёстко ответил Эллакис.

А чего ты ожидал, Валера? Только любовь отца безусловна, а Эллакис, как бы ты не хотел, не был тебе отцом. Он, вообще, не обязан был тебя любить. А ты надеялся, что унизив и уничтожив меня, возвысишься в его глазах и обретёшь для него ценность? Нет, ему была важна лишь власть.

Но как бы там ни было, а влияние тех порч я на себе заметил, хоть и запоздало. Если б на моём месте был человек, то, понятное дело, давно бы уже отправился на тот свет, но я испытывал лишь постоянную слабость и подавленность, как при сильнейшей депрессии.

Я вспомнил, как однажды, когда мы со Всадниками сидели в баре и общались, разговор вдруг зашёл на тему еды. Я, кажется, уже упоминал, что не ел ни фруктов, ни овощей, а лишь одно мясо. Хотя, у меня был период в Первой реальности, когда я вынужденно стал вегетарианцем на довольно

долгий срок. Но в реальности номер Два, а также после их слияния, я питался исключительно мясом и рыбой. Я спивал свои необычные кулинарные предпочтения на убитую таблетками пищеварительную систему. Мне и в голову не приходило, что они могли явиться следствием магического воздействия, пока вдруг Война не догадался связать эту особенность с магией. Но тогда его теория показалась полной несуразицей.

– А ты давно перестал есть фрукты и овощи? – Обеспокоенно спросил он.

– Я точно не помню. Помню, что это произошло внезапно, в один миг, как отрезало. С тех пор постоянно хочется только мяса...

Опять же, я не заморачивался насчёт еды. Были дела куда поважнее.

– Забей... Это не стоит твоего внимания. – Отмахнулся я, но Война, по-видимому, знал больше, чем я.

– Я точно не уверен, и не хочу тебя будоражить понапрасну, но вообще, когда делают порчу на смерть через мясо, то у жертвы потом, как один из симптомов, может возникнуть либо полное отвращение к данному продукту, либо, наоборот, непреодолимая тяга к нему...

Я удивлённо посмотрел на Всадника.

– И... Ты думаешь, что это оно и есть? Что кто-то на меня сделал?

– Почему же кто-то? Тут и гадать не надо. Я думаю, что

это твой сын Валерий.

– Что? Это просто какой-то бред! Я не верю в магию.

– А это и не магия. – Пояснил Всадник. – Это психологическое воздействие, ошибочно именуемое магией. Воздействие на структуру материи жертвы и на реальность, её окружающую. Вот, что такое волшебство.

– И что теперь делать?

– Ну, раз никаких других симптомов у тебя не наблюдается, значит, порча сходит. Я вижу, что тебе стало лучше. А с ним тебе, на всякий случай, следует полностью прекратить общение. Ничего у него брать. И ему ничего не давать. И абсолютно никак с ним не контактировать.

– И даже не есть с ним за одним столом... – Добавил я.

– Именно.

– Это не может быть он.

– А кто тогда? Кто ещё обладает такой силой?

В принципе, уже тогда в мой разум закрадывались опасения, что, возможно, Валера как-то на меня воздействовал. А видения, полученные в воплощении Создателя-Дракона, дали мне чёткий ответ, и, к сожалению, он меня сильно разочаровал. Хотя, чего ещё можно было ожидать от Валерия, равно, как и от его дяди? Я нужен был им лишь для того, чтобы использовать меня ради достижения своих целей. Они хотели полностью контролировать меня, и ради поддержания этого контроля готовы были пойти на всё. Но теперь я чувствовал, что могу противостоять им и есть тот, кто огра-

дит меня от их дурного влияния. У меня появились силы и открылись глаза на их тайные деяния. А значит, что отныне я перестал быть жертвой.

У меня оставался ещё сын. Любящий, внимательный, верный (вроде бы) мальчик, у которого не было никого дороже меня на этом свете. Быть может, ради него мне и стоило жить? Быть может, ради него одного и стоило существовать этому миру?

Я понял также, что если вернусь, ему ни в коем случае нельзя будет рассказывать о том, чем занимался его брат. Я хотел, чтоб мои дети не враждовали между собой. Не хотел больше видеть их с разбитыми губами и синяками под глазами, поставленными в пылу выяснения отношений. Я решил в этот раз изо всех сил постараться построить нормальную семью с нормальными взаимоотношениями внутри неё.

Таким образом, вредный мальчишка всё-таки получил своё. Я вернулся. И как только ему удалось вновь заставить меня жить? Поистине, он имел просто фантастический талант освещать любовью мою жизнь. Я был зол, изранен и не жаждал ничего, кроме уничтожения. Моё чёрное сердце рассыпалось на части, треснуло в миллиарде мест так, что я окончательно понял, что его больше не собрать. А этот охладомон как-то умудрился его излечить. Я всё ещё был зол, но, по крайней мере, умирать мне больше не хотелось. Хотелось посмотреть на их растерянные морды, когда я вернусь. Я долго не мог решить, какой именно выбрать момент: когда они

соберутся вокруг области мрака, которым я себя окружил, либо когда возле меня никого не будет. В конце концов, вышло так, как вышло.

Перед моими глазами возник образ Кириэля. Боже, как мне вдруг захотелось увидеть своего ребёнка! Просто невыносимо! И как я мог так психануть и решить уничтожить Мироздание? А как же мой мальчик-солнце, мой светлый ангел-хранитель?

Как только во мне возникло желание жить, тьма тут же исчезла: так же внезапно, как и появилась. Я сосредоточил её в крошечную сингулярную частицу и запер глубоко в себе, дав слово никогда больше её не доставать. Дракон спрятался, успокоенный, убаюканный детским голосом моего сына, который прорвался сквозь время из моей памяти. Я стоял посреди зимы, посреди ореола обугленной земли и выжженного снега, и никак не мог опомниться. Целый год я был не в себе, погружённый в боль, отчаяние и тоску. Звёздный провал над моей головой смыкался, на его место возвращалось ясное голубое небо, в котором сияло зимнее солнце.

Я сделал шаг, выходя из круга. Мышцы сильно затекли, но вскоре я пришёл в форму. Я думал сразу же поехать к себе домой, как ни в чём не бывало. Я не делал из своего возвращения такого уж грандиозного события, и думал потихому просто возвратиться в свою квартиру в Строгино к привычному образу жизни. Но тут на меня, как ураган, налетел мой неутомимый мальчишка.

– Папа! – Завопил он.

Боже, на кого он был похож!

Заросший, грязный, исхудавший... Увидев его в таком виде, я ужаснулся.

– Ты что, всё это время жил в лесу? – Строго спросил я, смерив его холодным взглядом. Хотя на самом деле мне хотелось наплевать на свою гордость, условности и просто сжать в объятиях любимого мальчишку. Но я сдержал себя.

– Э... Ну... Так получилось... Я не мог тебя бросить... – Он потупил виноватый взгляд в землю.

На нём был какой-то засаленный рваный тулуп, который он, не иначе, как купил в самом дешёвом секонде. Светлая ключковатая борода свисала до груди. Волосы отросли до плеч и тоже спутались. Кожа обветрилась и огрубела от постоянного нахождения на улице. Он добавил себе лет десять.

Господи, ну ради чего были все эти лишения?

– Ладно, пошли. – Как можно небрежнее бросил я.

– А... Домой, да, пап? – Спросил он с надеждой.

– Домой-домой... – И, не дожидаясь его, я зашагал вперёд.

– Ой, а ты можешь подождать, пожалуйста? У меня там в палатке вещи...

– Да забей на них! Тряпье, небось, какое-то.

Мне хотелось поскорее вернуться домой, принять горячий душ, выпить любимый кофе, и чтоб этот дурак привёл себя в порядок и не лазил передо мной в таком виде.

Кирилл боялся слова лишнего сказать, боялся даже ды-

шать и старался наступать на подтаявший снег как можно тише, чтоб я вдруг не раздражился. Он плёлся сзади и не верил своему счастью. Эта ситуация меня забавляла, если ещё учесть то, что я не знал, где мы находились.

Вскоре мы вышли к дороге, огибающей маленькую глухую деревушку.

– У тебя есть навигатор? – Спросил я.

– Э... Нет. Я год не пользовался телефоном. Он давно разрядился.

– Поразительно. – С иронией ответил я, хотя сам тоже не пользовался смартфоном целый год ввиду своего изменённого состояния. – И глупо.

– Но остановка в ту сторону. – Оправдываясь, сказал Кириэль и указал вправо. – До неё недалеко. Раз в два часа там ездит автобус.

– Вот как? Ну что ж, води!

Мы проторчали на остановке час, пока вдалеке не показалась грязно-жёлтая развалюха, называемая автобусом.

Всё это время Кирилл боялся со мною заговорить, а мне доставляло удовольствие держать его в этом страхе. Но я знал, что долго это не продлится. Что скоро моя маска холодности и безразличия треснет, и я просто не смогу сдерживать своих чувств.

В автобусе оказалось только двое пассажиров, но и они покосились на нас с недоверием. Я-то выглядел нормально, точно таким же, каким и вышел тогда из того злополучного

кафе, в котором меня в очередной раз унизили, только одет был чересчур легко для начала весны, а вот Кирилл... Физиологические процессы моего тела целый год находились в замороженном состоянии, поэтому я не был заросшим и грязным, как он.

Мы сели на два последних сиденья, да так и просидели молча до самой Москвы, созерцая проносящийся мимо заснеженный пейзаж.

Автобус довёз нас до пригородного автовокзала, и там мы растворились в толпе.

Собственно, я не приглашал Кирилла к себе в гости – у него была своя квартира, но он с моего молчаливого согласия увязался за мной в Строгино, чему я, конечно же, в глубине души был рад, но, ни за что бы себе в этом не признался.

Мы вошли в подъезд, поднялись на нужный этаж, хорошо хоть, ключи у меня были на месте.

Естественно, в квартире всё покрылось пылью, а еда в полупустом холодильнике пропала. Но я чувствовал себя настолько морально и физически вымотанным, что решил заняться уборкой позже.

Я быстро принял душ, а затем погнал туда Кириэля, сунув ему электробритву и ножницы, а сам принялся заказывать ему еду. Мне тогда есть не хотелось, что неудивительно, учитывая, сколько звёзд я съел. Кофе и сахар пропасть не могли, а они всегда были для меня главными продуктами. Я

так и замер с горячей чашкой в руке, когда спустя час вышел Кириэль.

Он сбрил волосы почти под ноль, избавился от бороды и усов. Я также заметил, что его искусственный шрам на брови, который он сделал в барбершопе, за год полностью зарос. Обветренное лицо всё ещё было красным. Кожу теперь требовалось долго восстанавливать. Моя одежда на нём болталась, как на вешалке. Суставы и кости сильно торчали. Мышцы истончились так, что чудом не атрофировались. Это при том, что во время жизни в лесу он охотился, чтобы добыть себе пропитание. В общем, из цветущего здорового парня он превратился почти в анорексика, правда, хоть выглядел теперь опрятно. И пусть бы Танатос не говорил мне, что всё это из-за меня! Я не заставлял его жить в лесу! А за бестолковую голову...

– Ну вот, другое дело! – Удовлетворительно сказал я и слегка улыбнулся. Просто не смог себя сдержат. Кирилл мгновенно уловил это малейшее изменение в моём настрое и наконец, кинулся меня обнимать.

Я сжал крепко-крепко его худые плечи, и пообещал себе, что больше никогда себе не позволю так обойтись с ним, как обошёлся. Мне стало так стыдно! Я шептал: «Кирюша, прости меня» куда-то в его макушку и до конца не мог поверить своему счастью – что здравый смысл всё-таки возобладал над обидой, и я не разрушил то, что построил с таким трудом. Во время этого очередного апокалипсиса никто да-

же не умер! Я начал разрушать живую вселенную с окраин, со звёзд, на планетах которых, естественно, никто не жил. Также разрушил часть Элизиума и часть Имморталис-Сити, и там, к счастью, обошлось без жертв. Но главное, что мой светлый мальчик-солнце, мой милый сын Кириэль был жив-здоров.

Когда он отстранился, я увидел, что его лицо стало ещё краснее. Он пару раз шмыгнул носом.

Я почувствовал себя неловко.

– Ну, всё, перестань! Всё закончилось.

– Я никогда больше... Я никогда... – Сквозь всхлипы еле промолвил он.

– Кирилл, всё, успокаивайся! Хватит уже. Забудем, как страшный сон.

Он вытер лицо рукавом футболки.

– Садись. Я заказал еду. Курьер принесёт через двадцать минут.

– Надо было в магазин сходить. Я бы сгонял.

– Сиди уже. Сгонял бы он...

Уже потом, когда мы расправлялись с ужином, я сокрушался по поводу того, что Кириллу теперь придётся каким-то образом восстанавливаться на учёбе и работе после годового отсутствия.

– Ну и отмочил же ты номер... Хотя, я не лучше.

– Я не уверен, что вернусь в цирк.

– Вот как? Почему?

– Мне больше не хочется веселиться и веселить других.

– И чем же ты будешь заниматься? – Спросил я.

– Пока не знаю. Но жизнь длинная – возможно, когда-нибудь я и вернусь в цирк.

Мы проговорили с Кириллом до позднего вечера. Я спал, как убитый, и, наверное, проспал бы весь следующий день, если б не звонок телефона. Это был Танатос. Я чертыхнулся по поводу того, что он звонил в такую рань, хотя было уже около десяти утра.

Естественно, элохимы сразу же заметили изменения в энергетическом состоянии вселенной и проверили свои догадки.

– Да.

– Андроник, это ты? – Спросил он взволнованным голосом.

– Ну, пока ещё я. – Со сна прохрипел я.

– О, Боже, ну... С возвращением, что ли... К тебе можно будет сегодня заскочить?

Я напряг мозги, пытаясь вспомнить, какие у меня были планы на предстоящий день. Уж точно не общаться с Танатосом.

– Ладно. Только к вечеру. – Согласился я.

– Хорошо.

Сон был перебит. Я повалился обратно на постель и долго смотрел в потолок, обдумывая, как, собственно, я буду жить дальше. В принципе, в моей жизни ничего не менялось.

Я планировал продолжить заниматься программированием: удалённо либо в офисе – без разницы. Программисты всегда нужны. Это вот Кирилл умудрился за год испортить себе жизнь и потерять форму. Но я был уверен, что всё поправимо. Ведь я находился рядом с ним, и никуда уходить не собирался. А что до наших разногласий, я почувствовал, что моя обида на него прошла. Стоило только взглянуть в эти лукавые, тёмные, как настоящий шоколад, глаза, как тут же я забывал обо всём, что Кирилл успел мне наговорить перед моим нервным срывом. Его отголоски ещё присутствовали в моей памяти, но больше не рвали мне сердце. Кроме того, я наконец-то, по-настоящему ощутил себя всемогущим не на словах, как было раньше, а на деле. Это подняло мою самооценку и значимость до небес. Я больше не опасался Мёртвого Короля. Мне было плевать на мнение элохимов. Я приобрёл пятисотсотпроцентную уверенность в себе. И отныне её не смогли бы поколебать даже мои сыновья. Валеру я не ждал так скоро. Я не был уверен, что он, вообще, меня навестит. Ну а Эллакис... Мой друг не заставил себя долго ждать...

Он возник на пороге моей квартиры с бутылкой коньяка и всё той же надменно-наигранной улыбкой на лице. Хотя, порою, она становилась искренней. В каком-то из ниоткуда

взявшемся порыве, я попробовал закрыть дверь обратно, но Эллакис просунул ногу в щель, и мне пришлось уступить. Ввалился он без приглашения.

– Ну, здравствуй! – И протянул руку.

Я сто раз клялся себе, что после возвращения порву с ним все связи, не буду видеться, разговаривать и даже вспоминать о лучшем друге не буду. Но вот, подчинённый какой-то неведомой силой, я жал ему руку, а после приглашал на кухню, где мы просидели всю ночь, как в самый первый раз, когда он пришёл повидаться, ещё до моего похищения. Я был чертовски зол на себя за своё слабование, когда дело касалось Эллакиса. Разум был затуманен выпитым алкоголем, и хотелось снова отключиться.

– Слушай, если ты и Валера ещё хоть как-то... хоть что-то... попробуете сделать...

– Не-не-не, за это ты не переживай. Всё. Мир. Окончательный и бесповоротный.

Он ещё умудрялся шутить. Как всегда вышел сухим из воды, а я как всегда ему всё простил. Да и Валерий тоже ничуть не пострадал. Досталось лишь Кириэлю – тому, кто был меньше всех виноват. Меня взяло зло, и я грохнул кулаком по столу.

– Ну что ты? Я же не отрицаю свою вину. Да, я виноват. Я уже просил у тебя прощения, Андроник.

– Тебе никогда не загладить вину передо мной! – Хмуро ответил я.

– Хорошо. Я готов извиняться хоть каждый день, лишь бы ты не злился.

– Я просто смирился, что ты от меня никогда не отстанешь. – С досадой сказал я.

– А ты хотел бы?

Его вопрос так и повис в воздухе. Слякотная мартовская ночь близилась к завершению. На улице уже светало. Наверное, мы мешали Кириллу спать, но он мужественно терпел шум, и даже ни разу не высказал претензий. Ну, ещё бы он позволил себе что-то сказать против после случившегося!

– Я уже ничего не хочу. Но выбора нет: придётся жить дальше. – Ответил я заплетающимся языком, а далее меня поглотила тьма тяжёлых сновидений. В ней я видел образ своего отца.

Разрушения в Элизиуме оказались, конечно же, колоссальными. Город Элохимов, на время апокалипсиса ставший для Живой Вселенной щитом, существенно замедлил её уничтожение, но не остановил его полностью. И если б Андроник не одумался, оно бы неминуемо произошло. Теперь вся сложность заключалась в том, что был разрушен не просто город, а частично плоскость, пересекающая Живую Вселенную, на которой он стоял. Эти области находились на сумасшедших расстояниях от обжитых территорий, вокруг

них никто не жил, поэтому они хоть не мозолили нам глаза, но это не значило, что их не нужно было восстанавливать. Однако сделать это мог лишь Создатель или его соавтор – Беленус. Но Андроник сказал, что ему плевать, и он ничего делать не собирается, а Беленуса всё достало. Мы с ним и с остальными Всадниками перемещались в те области через порталы, чтобы оценить масштаб разрушений, и то, что мы увидели, поразило нас до глубины души.

Вся плоскость белого Элизиума по краям была будто изъедена Драконом-Создателем. Его зубы вгрызались в ткань пространства, оставляя на ней громадные следы... Внешне они напоминали вмятины в самом космическом вакууме, похожие на его огромные искривления, подобные тем, которые образуются от космологических чёрных дыр. Там, где плоскость заканчивалась, город лежал в руинах. Она обрывалась внезапно, а за ней простиралось абсолютное ничто, лишённое звёзд.

Во время апокалипсиса пару раз мы видели Дракона-Создателя, проносящегося над Элизиумом. Выглядел он ужасающе. Даже элохимы, бессмертные воины-творцы, дрогнули. Он был самым средоточием мрака и вмещал в себя всю необузданную, разрушительную силу хаоса, являющуюся топливом для создания новых миров. Громадное тело, сотканное из первозданной тьмы, загрозоздило собою весь небосвод – от горизонта до горизонта. Обсидиановая чешуя сверкала, отражая жемчужный свет города элохимов. От-

ростки на голове и вдоль позвоночника, размером с небоскрёб, трепыхались и иногда вспыхивали пламенем. Горящие inferнальные глаза внушали безмерный ужас и отчаяние. Дракон-Создатель круто повернулся, а затем прошёл так низко над городом, что едва не коснулся брюхом верхушек многоэтажек, а затем исчез вдали. Спустя время мы почувствовали, как весь Элизиум сотрясла мелкая дрожь. Это Дракон-Создатель отгрызал от плоскости, на которой стоял город, очередной кусок.

До сих пор от этого воспоминания мне становится не по себе.

Как выглядели разрушения в Имморталис-Сити, я не знал, и знать не желал. Я был уверен, что и Королю Умрунов было на это наплевать, лишь бы его трон остался на месте. А вот Беленус... Он так сильно устал, что не хотел даже ничего слышать о восстановлении Элизиума. Его терпение окончательно лопнуло.

– Кто его разрушил, тот пусть и восстанавливает! – В гневе закричал он, когда я в очередной раз заикнулся об этом.

У Беленуса был ещё тот характер: слишком резкий, не сдержанный, непримиримый, причём там, где не надо. А где стоило его проявить, он зачастую самоустранялся, аргументируя это тем, что он устал от бесконечных битв и их последствий.

«Устал? Развоплощайся! Иди, отдохни! А на твоём троне посидит кто-нибудь другой!» – Хотелось сказать ему.

Не то, что бы он сильно любил власть, и она являлась его конечной целью, но он ею дорожил. Ему нравилось, когда все вокруг слушали его и с трепетом исполняли все его приказы.

Андроник, как я уже сказал, не собирался ничего восстанавливать. И не то, что бы он был погружён в какую-то апатию. Нет. Ему просто стало всё равно. На всё и на всех. Ещё с первого взгляда, увидев его после возвращения и мгновенно считав его ауру, я заметил, как сильно он изменился. Он стал жёстким. Мягкость, которая всегда присутствовала в нём, исчезла. Его широкая душа, которую распяли, наплевав в неё, теперь была закрыта на тысячу замков. Хотя, я всё-таки думал, что немного он будет её приоткрывать единственному, кому он ещё хоть как-то доверял – Кириллу, но лишь по чуть-чуть, чтобы и он не смог насыпать ему соль на раны. Он больше не относился к младшему сыну, как к хрустальной вазе. Он орал, если ему что-то не нравилось, отпускал едкие замечания в адрес сына и критиковал его. В общем, вёл себя так, как в своё время его отец вёл себя по отношению к нему. Но что сделало его отца таким? И что заставило его окончательно уйти, слившись воедино со Вторым Лицом? Теперь разбираться в этом уже не имело никакого смысла. Андроник, как две капли воды, стал походить на своего отца характером, а его мрачная натура облеклась в одежды жуткого цинизма, чёрной иронии и истерического позитива сквозь слёзы – и всё ради того, чтоб никто отныне не смог его уколоть и сделать ему больно. С ним в некотором смысле стало тяжело

общаться, но он не растерял своего обаяния и напротив, стал ещё более харизматичным.

Кириэль никогда не боялся своего отца, но после того случая с нервным срывом, стал опасаться, что он повторится и вёл себя, как говорится, тише воды, ниже травы. А что до Принца Некромира, так он не считал нужным навещать своего отца после возвращения. И Андроник просто на него наплевал. Теперь был его черед вычёркивать из своей жизни всех, кто был ему не угоден. Хотя, я знал, что, касаясь своего старшего сына, он этого никогда не сделает, ведь любить Андроник всё-таки ещё мог. А значит, не всё было потеряно в этом мире. И очередной апокалипсис оказался ненастоящим. Бутафорским. Я осознал, что он наступит лишь тогда, когда Бог окончательно разучится любить. А это, наверное, невозможно.

Вопреки моим опасениям, после возвращения Андроник не замкнулся в себе. Он продолжал общаться с элохимами. И неожиданно довольно близко сошёлся с Всадником Войной. Его, как самого блистательного и могучего воина Элизиума, он даже попросил дать ему уроки боевых искусств. Войну, конечно, его просьба обескуражила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.